

Ольга Сафронова

osafn@yandex.ru

МА́РТИН ДОМ

В доме не было ни одной ровной стены. Марта построила его сама, а у неё всё шло немного наперекосяк. Так, во всяком случае, считали в деревне. И бабка была со странностями, и Марта такая же, а где родители, уже и не помнили. Когда весной умерла баба Ната и шестнадцатилетняя Марта ушла жить на гору, никто её не остановил.

Дом стоял на склоне, так что пол тоже вышел с наклоном. Каждое утро стол съезжал немного к двери, а через месяц Марта заметила, что и шкаф покинул прежнее место. Она взялась за молоток, чтобы прибить его к стене, но передумала.

Ей нравился её дом наперекосяк.

Марта просыпалась до рассвета, заворачивалась в одеяло и выходила на порог. Где-то там внизу, под лесом, спала деревня. «Храпит, раскинулась, как свинья», — думала Марта о деревне, как о человеке.

Эхо горы приносило бляение — пастух вёл коз и овец на пастбище. Небо розовело, Марта возвращалась. Дверь скрипела, она отвечала:

— И тебе доброе утро, дом!

Она говорила и с пауком, и со шкафом. С домом больше всего — он в ответ скрипел, гудел. Теперь, стоило ей только подумать открыть окно — оно распахивалось само, а если она забывала потушить свечи перед сном — те гасли, как только Марта закрывала глаза. Вскоре ей казалось само собой разумеющимся, что в холодную ночь стены становятся горячими, как печь, а когда она шутит, дом слегка сотрясается, будто от смеха.

Каждый день Марта ходила в лес на склоне горы. Возвращаясь, она всегда натыкалась на коз и овец. Пожалуй, она всегда выходила из леса там, где они паслись.

Пастуха звали Антон. Парень, как все. Как все в деревне. Смеялся над Мартой со всеми — вроде как по-доброму. Над её бровями-метёлками, над её фантазиями. Марту так и звали — фантазёркой. Они с бабой Натой и правда любили напридумывать всякого: то вырастят артишоки, то приручат бурундука. Или сочинят такой случай, что все поверят — а потом ходят, как дураки.

Овцы и козы паслись сами собой. Антон стал ловить себя на том, что ждёт, когда Марта выйдет в своих линялых брюках из леса. Сядет рядом, откроет корзинку с ежевикой, а он достанет сыр, хлеб, молоко.

Говорили мало. Каждый делал вид, что рот занят едой. Глаза были заняты небом, и лесом, и дымом деревни внизу. Впрочем, пока переводили взгляд с дыма на небо, многое само бросалось в глаза. Так, у Антона был шрам в ямке на подбородке. У Марты ключицы уходили немного вниз, а не как у многих — вверх.

— Ты что дальше думаешь делать? — как-то спросил Антон, отхлебнув молоко из бутылки, к горлышку которой только что прижимались Мартины губы.

Она пожала плечами, ключицы ушли вверх, скрылись частично в рыжих кудрях.

— Холода наступят, — Антон сказал это со знанием дела, словно это было какое-то тайное знание.

В деревне всегда говорили о простых вещах, как будто они совсем не простые, а сложные оставались за кадром. О сложных Марта могла говорить только с бабой Натой, а теперь разве что с домом. Она улыбнулась, вспомнив про горячие, как у печки, стены:

— У меня дом тёплый, справлюсь.

— Одна?

Марта уловила в его голосе нотку снисходительной мужской заботы. Он забыл, что она сама построила дом?

— Конечно. Ну, а ты что?

Теперь Антон пожал плечами.

— Так и будешь овец пасти?

— Мне нравится вообще-то, — миролюбиво ответил он, уловив, в свою очередь, в Мартином голосе нотку насмешки. — Я люблю природу. Небо, траву, гору... Что плохого в том, чтобы пасти овец?

— Ничего плохого. Очень даже хорошо пасти овец, — поспешно проговорила Марта.

— Ага. А если тебе нравится жить одной на горе... пока, то тоже хорошо. Деревня рядом, если что. Я рядом... — последние слова он сказал совсем тихо.

Марта прожгла взглядом ямку на подбородке, чуть шрам не разошёлся.

— Самое главное, деревня рядом! Белый свет клином сошёлся на этой деревне! Лучше места в мире не найти! — рыжие кудри заполошились, как огонь.

— Ты чего, Марта? Не такая она плохая, наша деревня. Может, лучше и не найти.

Марта раздавила ежевичины пальцами.

— А ты откуда знаешь? Тебе ведь сравнить не с чем!

— А чего сравнивать? Там, за горой, такие же деревни. Только лес другой, люди не те...

— Лес другой, люди не те, — мечтательно повторила Марта, разминая ежевичины в кашу. — Может, там, за горой, и сыр другой, и хлеб. Ежевика слаще...

— Фантазёрка... — Антон сказал это ласково, но Марта вспыхнула.

Поднялась, отряхнула линялые брюки. Антон молча протянул ей кусок сыра на дорогу.

На следующий день Марта не пришла на пастбище. И через день тоже. Антон был уверен, что она обиделась. Он прогулялся по горе, но подняться к дому не решился.

А Марта лежала в ознобе, не было сил встать. Она бредила водопадами, ручьями, так хотелось пить. И тогда пол накренился и к кровати подъехал стол с оставленной чашкой чая.

Дом заботливо открывал окна, чтобы проветриться, и закрывал их, чтобы Марта не замёрзла. Ночью она не могла заснуть, и дом начал наскрипывать мелодию, похожую на колыбельную, которую Марта слышала в детстве. Пол, и стены, и кровать качались в такт, и она уснула.

Приснилось Марте, что она мчится на лыжах с горы вместе с бабой Натой. Прямо по зелёной траве, мимо коз, овец и Антона. Ох, и жарко на лыжах летом!

Она очнулась от стука в дверь. Дверь распахнулась, в дом вошли две женщины из деревни. Увидев Марту в кровати, всплеснули руками. Захлопотали. Одна положила ей на лоб мокрое полотенце, другая заварила чаю с мёдом.

— Попей, деточка.

«Как они узнали?» — подумала Марта сквозь жар.

— Наконец-то вернулась, — улыбнулась женщина с полотенцем.

Марта прошептала в потолок:

— Ну, ты даёшь!

Дом простоял на краю деревни, пока Марта не поправилась. Все думали, что она останется, но однажды дом исчез. Его потом высматривали на склоне — напрасно. Только Антон в то утро, гоня коз и овец на пастбище, видел, как дом катился, будто на лыжах, на ту сторону горы.